

Б. М. КОНДОРСКИЙ (Донецк, Украина)
независимый исследователь

ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация: Революции и контрреволюции в одной стране составляют революционный период (РП) как целостную систему, имеющую свои законы. Революция – проявление действия этих законов. В РП все политические режимы имеют черты диктатуры. В зависимости от сроков наступления и характера протекания РП выделено три основные группы стран. Рассмотрены закономерности, характерные для России и других стран третьей группы в рамках РП, начавшегося здесь в начале XX в. и закончившегося в 90-е годы. Показаны основные процессы, предшествующие событиям 1917 г. в России и причины прихода к власти большевиков.

Ключевые слова: история России XX века, Февральская революция, Октябрьская революция, реформы Столыпина, геополитическое пространство.

B. M. KONDORSKII (Donetsk, Ukraine)
independent researcher

HISTORICAL AND THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE REVOLUTIONARY EVENTS OF RUSSIA IN THE EARLY XX CENTURY

Annotation: Revolution and counterrevolution in one form of the revolutionary period (RP) as a whole system, having its own laws. The revolution – a manifestation of the action of these laws. In Poland all political regimes have traits of dictatorship. Depending on the timing of the onset and nature of the flow of the RP identifies three main groups of countries. The regularities, characteristic for Russia and other countries of the third group within the RP, which began here at the beginning of the XX century and ended in the 90-ies. Shows the main processes preceding the events of 1917 in Russia and the reasons for the coming to power of the Bolsheviks.

Keywords: Russian history of the XX century, the February revolution, the October revolution, the Stolypin reforms, geopolitical space.

Исторический процесс носит системный характер, что относится и к т.н. называемым буржуазным революциям, а точнее – революциям Нового времени. Анализ показывает, что в основе каждого этапа социальной эволюции

был определенный тип революций, формировавший потенциал дальнейшего развития. В мировой истории можно выделить следующие революции и соответствующие им этапы: неолитические, архаические, феодальные, революции Нового времени [1].

Революции Нового времени происходили в форме революционного периода (РП) как системы, имеющей свои законы. Конкретные революции следует рассматривать как проявление процессов в рамках РП. Он заканчивается, когда ликвидируются все препятствия для свободного развития нации, когда в обществе создаются условия исключающие возможность каких-либо революционных событий [2, 3, 4]. Все основные государства, в зависимости от сроков наступления РП и характера его протекания, можно разделить на 3 основных группы: стран первой генерации (СПГ), стран второй генерации (СВГ), стран третьей генерации (СТГ). К СПГ можно отнести Англию, США, Францию. В Англии РП закончился Славной революцией, во Франции – Третьей республикой, в США – с окончанием гражданской войны. В большинстве европейских стран (в частности Германии, Италии, Австрии, Венгрии) и Японии РП начался в середине XIX в. и закончился с окончанием II мировой войны. В СТГ – России, балканских странах, Китае, Турции, Иране, латиноамериканских странах РП ограничился рамками XX в. Т. е. основной единицей классификации здесь являются не отдельные революции, а РП в каждой стране. В арабских странах РП начался после II мировой войны и закончится не ранее середины XXI в. События Арабской весны как раз и стали проявлением этих процессов.

Кстати, наличие революций не обязательно знаменует начало РП. Несмотря на то, что Испания в XIX в. пережила 5 революций, слабость и нерешительность буржуазии, неумение и нежелание организовать эффективную диктатуру своего класса каждый раз приводили к восстановлению реакционных порядков. Обратная картина наблюдалась в скандинавских странах. Здесь РП имели место без конкретных революций. В РП все политические режимы имеют в той или иной степени черты диктатуры. Характер диктатуры зависит от этапа революции и выражает интересы того или иного класса. Каждая диктатура выполняет определенные исторические задачи. Якобинская диктатура сделала невозможным восстановление абсолютистских порядков во Франции, так же как это сделала диктатура Кромвеля в Англии (не смотря на последующие реставрации). Диктатура позволила в РСФСР–СССР провести индустриализацию и выстоять против фашистской Германии. Если бы в 1917 г. победила буржуазия, то Россия в своем развитии пошла бы по пути Польши. Что стало с этим государством через две недели после нападения на ее Германии – мы знаем из истории. Попытки либерализации власти в РП, как правило, способствовали появлению классических диктатур. Демократическая (внешне) Веймарская республика, весь период своего существования находившаяся в состоянии перма-

нентного кризиса, породила жесткую национал-социалистическую диктатуру. Аналогичная ситуация имела место в Испании в 1930-е гг.

СТГ имели свои особенности, которые заметно отличали эти государства от СПГ и СВГ. Если в СВГ развитие политических режимов носило в основном эволюционный характер, то в СТГ отсутствовал какой-либо потенциал трансформации старого порядка. Дальнейшее развитие было возможно только при условии разрушения не только политической системы, но и государства в целом. Попытки реформ «сверху» в России, Китае, Турции, Иране закончились полным провалом.

В СПГ промышленные революции имели самостоятельный характер. В СВГ они обуславливались, в значительной степени, сформировавшимся к середине XIX в. европейским экономическим пространством. В СТГ не было промышленных революций – была индустриализация под руководством государства. В СТГ капитализм отсутствовал как система; был капиталистический уклад; уклад – структура, где в отличие от системы нет потенциала развития. Отсутствие капиталистической системы предопределило слабость буржуазии в СТГ не только в экономической, но и политической сфере. Буржуазия здесь так и не смогла организовать свою диктатуру во время революций, не смогла выдвинуть ни одного лозунга, который мог бы привлечь народные массы. Для СТГ была характерна сильная финансовая зависимость от более развитых СПГ и СВГ. При этом предоставление займов обычно наполнялось политическим содержанием. Внутренняя слабость, превращающаяся в слабость международную, привязывала политику СТГ к чужим интересам [5]. В СТГ более 80% населения проживало на селе, имея традиционный крестьянский менталитет. Сознание российского крестьянина воспринимало землю как «божью», «ничью» [6]. Отсюда – полное неприятие частной собственности на землю, требование отменить ее продажу. Крестьянину был чужд буржуазный взгляд на собственность как источник богатства. Землю считали общим достоянием тех, кто ее обрабатывал [7].

В начале XX в. крестьянство превращается в самостоятельную политическую силу. Еще в 1902 г. наблюдался широкий размах крестьянских волнений [8]. Он усилился во время революции, имея характер организованных погромов помещичьих усадеб. Им предшествовали сельские сходы, утверждавшие приговоры. Это не было разбоем: крестьянские выступления в революцию 1905-1907 гг. были упорядочены и не похожи на разгул ненависти и вандализма в годы Гражданской войны [9]. Дабы предотвратить подобного рода эксцессы в будущем, Столыпиным и его окружением и была задумана реформа. Ее целью было разрушение общины и пробуждение инстинкта частной собственности у крестьян. Мыслилось появление слоя крестьян-собственников [10]. Планировалось заложить фундамент российского гражданского общества.

Но в ходе столыпинских реформ крестьяне-буржуа так и не появились. И дело было в характере сознания. Те же кулаки по своей ментальности мало чем отличались от обычных крестьян-общинников. Основная масса крестьян не хотела порывать с общиной, в которой они видели средство своеобразной самозащиты перед лицом помещиков и государства.

Столыпинская реформа провалилась, в первую очередь, политически. Закон от 14 июня 1910 г. не только не снял социальную напряженность, усилив ее до предела [11]. Абстрактность замысла реформы в значительной степени объяснялась тем, что ее сочиняли люди, плохо знавшие русскую деревню [12]. В итоге политика Столыпина – по разным причинам – не смогла устроить ни народ, ни либералов, ни правых, ни левых, ни самого царя [13]. Трагедия П. А. Столыпина – умного политика и талантливого организатора, особенно на фоне бесцветного императора и его окружения, заключалась в том, что с началом РП начинают действовать законы, независимые от сознания. Любые попытки реформ в рамках старой системы лишь создают дополнительные условия для последующих революционных событий. Нельзя было создать Великую Россию на полностью прогнившем фундаменте.

Подобного рода проблемы были характерны и для реформ в промышленной сфере. Важность ускоренной индустриализации понимал С. Ю. Витте, который считал, что только она спасет подлинный суверенитет России [14]. Основная его ошибка заключалась в том, что основную ставку он делал на привлечение иностранного капитала. Витте считал, что Россия не Китай и что иностранный капитал никогда не вытеснит национальный [15]. Но опора на границу неизбежно ставила Россию в подчиненное положение, создавая угрозу национальной безопасности. Промышленное производство в России носило резко выраженный характер периферийного капитализма. Была деформирована отраслевая структура. Тяжелая промышленность полностью зависела от государственных заказов [16]. Следует отметить также крайне низкую эффективность экономической системы. Не смотря на то, что население России превышало таковое в США в два раза, тем не менее, США вырабатывали продукцию большую по цене на целый порядок [17]. В конечном итоге политика Витте-Столыпина не привела к сближению с западной моделью, в первую очередь, вследствие крайне низкого уровня капитализации. Капитал лишь одной американской «Юнайтед Стил корпорейшен» равнялся совокупному капиталу всех индустриальных и торговых компаний России [18].

После реформы 1861 г. объем крестьянских выкупных платежей составил 10 млрд. руб. [19]. Но русские помещики не вкладывали эти деньги в развитие экономики, а «проедали». В то же время в Японии огромные денежные средства, полученные от правительства дайме (владельцами князями) и самураями, были вложены ими в промышленную и банковскую сферы [20]. На рубеже XIX – XX вв. Россия попала в финансовую зависимость от Франции, которая

колоссальными займами пыталась удержать Россию в союзе. Внешние займы предполагали внешнеполитические обязательства [21]. Достаточно сказать, что доля России в общемировой задолженности составляла 31% [22].

Заметный промышленный подъем в начале XX в., когда Россия по темпам роста тяжелой промышленности опережала ведущие капиталистические страны [23], носил внешний характер. Подобного рода явления в предреволюционный период отмечены и для других стран [24]. Но повышение уровня жизни в РП воспринималось уже по-другому, чем в предыдущий период. Социальная система из «закрытой» в РП становится «открытой», развивающейся. Происходит сегментация общества. Каждый сегмент уже живет определенными ожиданиями. Средний класс – дальнейшим улучшением качества жизни, правые – укреплением самодержавия, левые – радикальной революцией, либералы – ожиданием конституционной монархии, крестьяне – справедливым распределением земли. Если ожидания не сбываются, происходит накопление недовольств, носящее пока скрытый характер. При этом власть постоянно испытывает давление абсолютно несовместимых требований – различные социальные слои ждут от нее диаметрально противоположных действий [25]. Просматривается сходство с Францией в конце XVIII в. Разумные попытки реформ, принятые Тюрго при Людовике XVI, вызвали противодействие не только со стороны дворянства и духовенства, но и непонимание со стороны третьего сословия. В этот период, запутавшись в своей внутренней и внешней политике, правящий режим просто не знает, что делать; действия несут судорожный характер, наступает паралич власти.

Активное развитие государственного капитализма способствовало тому, что в ведении государства сосредоточились крупнейшие казенные предприятия оборонного значения, что обусловило высокую концентрацию рабочей силы. Рабочими обычно становились крестьяне, которые не смогли ужиться в своей общине и у которых, по существу, отсутствовало традиционное сознание. Получался как бы «чистый лист», на котором различные политические силы могли формировать нужное им сознание. К тому же относительная малочисленность пролетариата в России компенсировалась высоким уровнем его концентрации. Создавалась своеобразная критическая масса, где при определенных условиях могла пойти «цепная реакция».

Революция 1905 г. развеяла у рабочих и крестьян иллюзии в отношении «добротного царя» в лице Николая II [26]. Политическую точку в революции поставил указ Николая от 3 июня 1907 г. окончательно превративший Думу из законодательного органа в совещательный, испортив отношения власти с либералами. На парламентаризме в России был поставлен крест. Начался необратимый процесс отчуждения верховной власти. Царь стал в глазах русского общества неким «инородным телом». К тому же революция показала инертность и дряблость русской буржуазии, ее антиреволюционность [27].

То же самое относится и к высшей бюрократии, которая уже при Николае I превратилась в своеобразную корпорацию, где внутренние интересы явно превалировали над внешними. Аналогичная ситуация в начале XX в. сложилась с политическими буржуазными и социалистическими партиями, за исключением большевиков. Они тоже сформировали у себя корпоративную структуру, превратившись в партии «в себе» и «для себя».

В предвоенный период и Витте, и Столыпин, и Коковцов понимали гибельность для российского самодержавия войны с Германией [28]. В известной записке Николаю II бывший глава МВД П. Н. Дурново убедительно показал, что даже победа над Германией не столько бы решила существующие проблемы, сколько создала новые [29]. Россия вступила в войну, не имея ясной цели. Она выполняла свои союзнические обязательства перед Францией. Самое главное – Россия абсолютно не была готова к тотальной войне.

Здесь мы сталкиваемся с закономерностью, характерной для РП. Лишь государства, где закончился РП, могли стать полноправными субъектами геополитического пространства. В свое время этим удачно пользовалась Англия. Начиная с XVIII в. (момента окончания здесь РП) во всех коалиционных войнах в Европе конечным победителем оказывался «коварный Альбион». Если Франция была уже субъектом геополитического пространства, то Россия – лишь объектом, со всеми вытекающими отсюда последствиями. После окончания I мировой войны только три страны – Великобритания, Франция, США оказались реальными победителями.

Высшее руководство страны проявило свою беспомощность и во время войны. Для военного периода была характерна разобщенность армейского и гражданского руководства не умевших (а часто не желавших) искать компромиссы между собой. Обычным было противостояние между Ставкой и Советом министров [30]. Правящая бюрократия в новых условиях стала быстро деградировать – за короткий срок от Витте и Столыпина до Штюрмера, от Поливанова до Беляева по кличке «мертвая голова». Элита отвечает за поддержание социально политического пространства общества. Деградация элиты означает деградацию этого пространства. Перед революциями это приводит к тому, что достаточно одного толчка, чтобы пошел процесс. Следует обратить внимание, что Февральская революция был полной неожиданностью не только для властей и буржуазии [31], но и для революционных партий, включая большевиков [32].

Став носителем государственной власти, депутаты Думы пребывали в ими же придуманном пространстве. В первых декларациях провозглашалась великая демократия, но не было ни слова о том? как решить гигантские экономические и социальные проблемы, как трансформировать общество. Лидер либеральной буржуазии Милюков мог страстно утверждать в своих ярких политических речах, что «Россия есть тоже Европа» (Украина в этом отношении не совсем оригинальна). Но уже в первые дни он признал, что начавшаяся рево-

люция уникальна и неуправляема [33]. Конечно, П. Н. Милуков, М. В. Родзянко, А. И. Гучков и другие лидеры буржуазии были умнейшими, высокообразованными людьми, но «наивными» в рамках политической системы. Ее законы они не понимали и не «чувствовали». То же самое относится и к руководству социалистических партий – эсеров и меньшевиков. В процессе Февральской революции реальная власть оказалась в руках Петроградского Совета, который возглавили представители этих партий. Передавая власть буржуазному Временному правительству, они наивно полагали, что оно сможет эффективно решить все те проблемы, которые стояли перед российским обществом. Но все получилось наоборот. «Временные» министры всех трех коалиционных правительств за полгода растеряли весь кредит доверия со стороны народных масс, став «инородным телом». Блестящий адвокат Керенский оказался бездарным политиком. Очень точно определил период правления Временного правительства В. С. Завойко (из окружения Корнилова) как эпоху свехпомпадурства [34].

После июльских событий революционный лагерь потерпел крупное поражение. Советы обессилили. На партию большевиков обрушились репрессии. Несмотря на это, руководству партии удалось не только за три месяца восстановить полное доминирование в Советах всех уровней, но и в конечном итоге взять власть в свои руки. Переломным моментом стала организация большевиками отпора корниловской контрреволюции. Тысячи агитаторов распропагандировали армию, выступившую против революции [35]. Борьба с корниловщиной вдохнула жизнь в угасавшие после июльских событий Советы. Быстро стал восстанавливаться их авторитет [36]. Сила большевиков была не в призывах к социализму, представления о котором оставались у народа еще крайне туманными, а в ряде конкретных действий по доведению до конца демократической революции, что нашло выражение в радикальном решении вопросов о мире и земле [37]. Надо отметить, что хаос поглотивший Россию наступил задолго до прихода большевиков, которые просто подобрали власть, которая «валялась в грязи». Либерально-демократический тип мышления и сознания основной части буржуазии и интеллигенции в условиях тогдашней России носил иллюзорный характер [38]. Можно утверждать, что именно неспособность буржуазии после Февральской революции создать свою диктатуру предопределила Октябрьскую революцию. «Февральская революция не явила миру новых Дантонов и, тем более Робеспьеров» [39].

Создается впечатление, что в 1914–1917 гг. буржуазия была «пятым колесом». Поэтому неудивительно, что во время Октябрьской революции и последующей Гражданской войны весь «клубок» противоречий, накопившийся за предыдущий период и мешавший развитию российского социума, был ликвидирован путем упрощения его структуры. В некоторых публикациях, посвященных событиям 1917 г. часто ругают «плохих» большевиков за то, что они

разогнали Учредительное собрание. Если бы этого не произошло, Россия стала процветающим, демократическим государством. Как известно, в Собрании большинство досталось эсерам. Следует отметить, что эсеры ничего не смогли противопоставить большевикам ни после Октябрьской революции, ни во время Гражданской войны в 1918 г. Если все-таки теоретически предположить, что эсеры оказались у власти, то через небольшой промежуток времени они тоже разогнали новый парламент и установили свою диктатуру. Подобного рода тоталитарный режим вероятнее всего был близок к итальянскому варианту фашизма. Получается, что «круг замкнулся».

Библиографический список:

1. Кондорский Б. М. Революции в истории человечества // Революции как предмет научной и философской рефлексии: материалы Всероссийской научной конференции (Н. Новгород, 23-24 апреля 2016 г.). Ч. 1. Н. Новгород: Ниж. ГМА, 2016. С. 68.

2. Кондорский Б. М. Использование концепции революционного периода для анализа важнейших политических явлений и событий // Политическая наука перед вызовами современной политики: Материалы VII Всероссийского конгресса политологов (Москва, 19-21 ноября 2015 г.). М.: Аспект Пресс, 2015. С. 289-290;

3. Кондорский Б. М. Революционный период в Китае // Общество и государство в Китае. Т. XLV, ч. 1. М.: ИВ РАН, 2015. С. 134-150;

4. Кондорский Б. М. Теоретический взгляд на события XX – начала XXI века в пределах постсоветского пространства (на примере Украины) // IV Столыпинские чтения «Историческая память и геополитические вызовы современной эпохи»: Материалы международной конференции (25-26 сентября 2015 г.). Краснодар: КубГУ, 2015. С. 382-390.

5. Кондорский Б. М. Попытка классификации революций на основе концепции революционного периода // Русская революция и современный мир: Всероссийская научная конференция (Н. Новгород, 22-23 апреля 2017 г.). Ч. 1. Н. Новгород, Ниж. ГМА, 2017. С. 46-47.

6. Кабытов П. С. Русское крестьянство в начале XX века. Саратов: СГУ, 1990. С. 60.

7. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – XX в.). Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 328.

8. Шацилло В. К. 1905-й год. М.: Молодая гвардия, 2004. С. 18.

9. Шанин Т. Революция как момент истины. М.: Весь мир, 1997. С. 169.

10. Зырянов П. Н. Столыпин без легенд. М.: Знание, 1991. С. 20.

11. Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. М.: Наука, 1989. С. 89.

12. Зырянов П. Н. Столыпин без легенд... С. 25.

13. Тютюкин С. В., Шелухаев В. В. Марксисты и русская революция. М.: РОССПЭН, 1997. С. 135.
14. Верт Н. История Советского государства. М.: Весь мир, 2006. С. 173.
15. Там же. С. 19
16. Ольштинский Л. И. Советское общество. Кн. 1. М.: ИТРК, 2014. С. 26.
17. Менделеев Д. И. К познанию России. Сочинения в 25 т. Т. 21. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 484.
18. Уткин А. И. Первая мировая война. М.: Алгоритм, 2001. С. 19.
19. Ковальченко И. Д. Столыпинская реформа // История СССР. 1991. № 1. С. 57.
20. История Японии. Т. 2 / ред. А.Е. Жуков. М.: ИВ РАН, 1998. С. 60.
21. Оськин М. В. История Первой мировой войны. М.: ИД Вече, 2014. С. 39.
22. Завалько Г. А. Понятие «революция» в философии и общественных науках. М.: КомКнига, 2005. С. 172.
23. Гиндин И. Ф. Социально-экономические итоги развития российского капитализма и предпосылки революции в нашей стране // Свержение самодержавия. М.: Наука, 1970. С. 81.
24. Стародубровская И. В., Мау В. А. Великие революции. М.: Вагриус, 2001. С. 36.
25. Там же. С. 42.
26. Верт Н. История Советского государства. М., 2006. С. 56.
27. Тютюкин С. В., Шелухаев В. В. Марксисты и русская революция... С. 75.
28. Оськин М. В. История Первой мировой войны... С. 23.
29. Пайпс Р. Русская революция. Кн. 1. М.: РОССПЭН, 1994. С. 239.
30. Оськин М. В. История Первой мировой войны... С. 347.
31. Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.: Политиздат, 1991. С. 422.
32. Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 1. М.: ТЕРРА, 1997. С. 158.
33. Уткин А. И. Первая мировая война. М., 2001. С. 353.
34. Иоффе Г. З. Великий Октябрь и эпилог царизма. М., 1987. С. 114.
35. Старцев В. И. Крах керенщины. Л., Наука, 1982. С. 37.
36. Иоффе Г. З. Белое дело. Генерал Корнилов. М.: Наука, 1989. С. 142.
37. Война и общество в XX веке. Кн. 1. М.: Наука, 2008. С. 155.
38. Оськин М. В. История Первой мировой войны... С. 33.
39. Булдаков В. П. Красная смута. М.: РОССПЭН, 1997. С. 61.